
СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

ББК 60.542.22

Т. Б. Рябова, О. В. Рябов

«НАСТОЯЩИЙ МУЖИК»: О ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Под символической политикой понимают деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности [4]. Символическая политика является важным элементом политической сферы, в которой различные акторы оперируют большим количеством символов, используя старые, иногда перекодируя их или же создавая новые. Функции символической политики многообразны, но основная заключается в легитимации власти. Как отметили П. Бергер и Т. Лукман, легитимация как способ «объяснения» и «оправдания» представляет собой многоуровневый процесс, включающий и апелляцию к символическому универсуму — системе теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности [3].

Эффективная символическая политика предполагает использование различных ресурсов. Так, всякая власть, в большей или меньшей степени, использует ресурс истории, апеллируя к коллективной памяти или «изобретая» прошлое; тем самым символическая политика приобретает историческое измерение. Другим чрезвычайно востребованным ресурсом является ресурс национализма.

Символическая политика имеет и гендерное измерение — в той степени, в какой, во-первых, использует гендерный дискурс и, во-вторых, оказывает влияние на гендерные отношения. Скажем, апелляция к военному прошлому, создание «мест памяти», как правило, становится фактором поддержания гендерного порядка, укрепляя традиционные гендерные стереотипы мужчины как воина и защитника и женщины — как жертвы. В качестве символов выступают, к примеру, образы мужественности и женственности, репрезентации гендерных отношений, мужские и женские аллегории нации, которые не только включаются в национальную мифологию, но и активно используются в политической коммуникации. Оговоримся, что в качестве подобных символов используются как эталонные гендерные модели, так и «анти-эталонные» (образ

слабого советского мужчины в антикоммунистической риторике постсоветского периода [18] и др.).

Цель нашей статьи состоит в анализе гендерного измерения символической политики в современной России на примере использования властью образа национальной мужественности.

Символическая политика нынешней власти, об эффективности которой свидетельствует ее широкая поддержка, использует, помимо исторического, геополитического, военного, конфессионального, гендерный ресурс. Разумеется, о каком-то одном направлении эксплуатации гендерного дискурса в современном обществе с его многообразием говорить едва ли возможно; скажем, гедонистическая гламурность занимает не последнее место в гендерных образах и символах нынешней власти. Однако гегемонным дискурсом является процесс, который мы обозначаем как «ремаскулинизация России»; он имеет несколько измерений, среди которых в качестве важнейших выступают наделение образа страны маскулинными коннотациями, демаскулинизация Чужих, создание привлекательных моделей национальной маскулинности.

Необходимо напомнить, что 1990-е гг. характеризовались скорее утратой привлекательных образцов мужественности и женственности [8, с. 219—233]. Мужчина перестроечных и первых постперестроечных лет обвинялся в несостоятельности, инфантильности, зависимости от государства, общества и женщины. Этому способствовало несколько факторов, в том числе значительное снижение жизненного уровня подавляющего большинства наших соотечественников и внезапная потеря мужчиной статуса кормильца; на международной арене болезненной оказалась утрата страной статуса сверхдержавы. Демаскулинизация стала одним из диагнозов, который ставится «больной России» (подробнее см.: [10, 11]).

Репрезентации России 2000-х гг. как успешной страны предполагали и вовлечение гендерного дискурса. Восстановление собственной маскулинности, явившееся реакцией на отмеченную демаскулинизацию, связанную с «периодом национального унижения» 1990-х, происходило как за счет феминизации Чужих, так и посредством создания привлекательных канонов национальной мужественности, которые призваны репрезентировать норму гендерных отношений и соответствуют идущим в обществе процессам [там же].

Такой привлекательной моделью маскулинности, своего рода ответом на образ слабого мужчины советских и первых постсоветских лет стал образ «мужика», приобретающий черты гегемонной маскулинности.

Являясь продуктом уникальной для отечественной истории социально-политической ситуации и постмодернистских медиа-технологий, образ «мужика» в какой-то степени синтезирует либеральный и советский типы маскулинностей; при этом он был создан в противовес репрезентациям западной маскулинности [11]. В основе данного типа лежат самостоятельность, экономическая независимость, уважение к частной собственности (в этом смысле «мужик» — антикоммунист). Вместе с тем он далек и от стопроцентной поддержки либерализма, ценности которого интерпретируются как культ индивидуализма и эгоизма, между тем как товарищество, мужское братство — важнейшие составляющие образа «мужика». «Мужик» не разделяет и либеральные ценности по-

литкорректности; сексизм и гомофобия в данной среде не считаются пороками. В отличие от воображаемого мужчины современного Запада «мужик» вынослив, крепок и силен; он говорит немного, но всегда отвечает за свои слова. Наконец, он является патриотом: предпочитает ценности отечественной культуры и выражает готовность защищать Родину.

Образ «мужика» — факт российской массовой культуры, в частности кино, рекламы, песенной поп-культуры [13; 19, с. 448, 487], в качестве канона национальной мужественности он отражается в общественном мнении [10, 11], в языковых структурах современного русского языка [6, 5].

«Мужик» становится и фигурой политического дискурса: этот образ-символ используется различными политическими акторами [9]. Среди способов включения этого символа в политическую риторику отметим прежде всего создание самих избирателей: гегемонный дискурс обращен именно к «мужик», как раз его образ чаще всего используется в политической рекламе. Власть не только эксплуатирует образ «мужика», но и вносит существенный вклад в его создание и продвижение через различные социальные институты. Подобно тому как, скажем, большевики создавали свой тип маскулинности, используя образ Павки Корчагина, а американская элита Холодной войны — тип маскулинности по образу героев Джона Вейна. Очевидно, каждый тип маскулинности воплощает определенные ценности и тем самым способствует укреплению или разрушению той или иной политической системы. Неслучайно одним из вариантов именованного для создававшегося осенью 1999 г. политического блока правящей элиты, наряду с утвержденным затем названием «Медведь» (Межрегиональное движение «Единство»), было название «Мужики» [14, с. 138]. Обратим внимание и на то, что медведь (воплощающий силу, выносливость, самостоятельность, грубоватость), брендинг которого является важным элементом символической политики «Единой России», становится одним из символов новой мужественности.

Кроме того, с помощью этого символа оцениваются политические акторы; такие маркеры, как «настоящий мужик», «русский мужик», используют не только избиратели, но и сами политики, журналисты, деятели культуры. Недавний пример: перед стартом парламентской кампании 2011 г. А. Пугачева сделала публичное заявление о том, что, пожалуй, вступила бы в партию, но только такую, где есть «настоящий мужик», а именно М. Прохоров [1].

В последнее десятилетие эти маркеры особенно часто применялись по отношению к В. Путину, что подтверждают как данные контент-анализа СМИ, так и результаты опросов общественного мнения [9, с. 166—172; 11]. Образ выступает и символом мужественности, и символом политической состоятельности: характеристика В. Путина как «настоящего мужика» коррелируется с его высоким рейтингом. Примечательно, что первоначально имидж В. Путина соответствовал скорее западным канонам маскулинности: президент выглядел как рациональный, практичный и сухой менеджер, по-деловому решающий вопросы, равнодушный к алкоголю и т. д. Но вскоре его имидж стал все более приближаться к национальным канонам маскулинности. В. Путин становится для россиян «своим мужиком, с которым хорошо было бы сходить на футбол или пропустить пару кружек пива» [7]. Способы коммуникации В. Путина в последние

годы, в частности «использование простой и доступной лексики», еще более приблизили его стиль к образу «мужика» [11].

Выделим три дискурсивные практики, которые вовлекаются в конструирование образа «настоящего мужика»: национализацию, военизацию, эротизацию.

Прежде всего, образ «мужика» оказывается включенным не только в гендерный, но и в национальный дискурс, поскольку апеллирует к «подлинной русскости». Активное вовлечение этого образа в политический дискурс объясняется значимостью национальных идентификаторов; за определение того, какие именно мужские качества являются подлинно национальными, идет символическая борьба.

Кроме того, в качестве символов используются отдельные атрибуты образа «мужика» (скажем, приписываемые ему социальные роли). Таким символом является образ «мужика»-защитника, «мужика»-воина, вполне вписывающийся в традиционные стандарты маскулинности, поскольку символика армии и воинов соотносится с образом «настоящего мужчины», во-первых, и с поэтикой власти, во-вторых [8, 15, 16, 17]. В этой связи не выглядят удивительными ни высокая значимость репрезентаций военной компетенции политиков в предвыборной прессе (см. данные социологических исследований в [9], ни корреляция образа «мужика» и воина-защитника в глазах «людей с улицы». Так, один из информантов, участвующих в нашем интервью, проведенном летом 2010 г., оценил В. Путина следующим образом: «Путин настоящий мужик, поскольку он и политик, и защитник <...> он был военным, а в армии воспитывают настоящих мужиков» [12].

Наконец, третья дискурсивная практика, эротизация, связана с акцентированием в политической риторике мужской (в том числе сексуальной) привлекательности политика. Его успех у женщин репрезентируется в качестве свидетельства политической состоятельности, наоборот (пример — эксплуатация данных интернет-опросов, согласно которым В. Путин назывался секс-символом России; см. подробнее: [9, с. 154; 11]). Подобную символику включают также в интерпретацию результатов политической борьбы, используя в механизмах социальной каузальной атрибуции (в объяснении высокого процента голосов за А. Лебеда на выборах 1996 г. в дискуссии на канале ОРТ 17 июля того же года звучало: «Ивановские ткачихи предпочли мужественного генерала»). Сражение так называемых армий Путина с лозунгом «Порву за Путина» и его анти-армий (июль 2011 г.) также часть символической борьбы за навязывание смыслов: кто мужчина настоящий, а кто — ненастоящий (и в данном случае политический контекст этого медийного события читался прямо: мы поддерживаем Путина-политика, поскольку он «шикарный мужчина» [2]).

Подведем итоги. Использование гендерного дискурса является значимым компонентом символической политики в современной России, о чем свидетельствует широкое вовлечение гегемонным дискурсом гендерных образов и символов. Всякая власть стремится манипулировать гендерными символами, образами, метафорами. В наибольшей степени преуспевает та, которая угадывает психологические потребности своих граждан. Популярность В. Путина в значительной степени связана с процессами восстановления коллективного мужского достоинства. В свою очередь, имидж национального лидера представляет собой важный фактор формирования образов национальной маскулинности и феминности.

Библиографический список

1. Алла Пугачева готова примкнуть к «Правому делу», если «настоящий мужик» Прохоров позовет // newsru.com, 06.09.2011. URL: <http://www.newsru.ru/russia/06sep2011/pugapro.html> (дата обращения: 09.09.2011).
2. «Армия Путина» порвет любого. URL: http://www.newsinfo.ru/articles/2011-07-19/armiya_putina/757852/ (дата обращения: 01.09.2011).
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. 2001. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_reality_social_construction/default.aspx (дата обращения: 01.09.2011).
4. Бурдьё П. Социология политики. URL: <http://www.bourdieu.name/content/burdesociologija-politiki> (дата обращения: 01.09.2011).
5. Гриценко Е. Язык. Гендер. Дискурс. Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2005. 267 с.
6. Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки, № 2 (2005). URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html (дата обращения: 01.09.2011).
7. Кречетников А. Россияне увидели президента с голым торсом // BBC Russian.com, 22.08.2007. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6958000/6958798.stm (дата обращения: 01.09.2011).
8. Рябов О. «Россия-Матушка» : национализм, гендер, война в России XX века. Штутгарт : Ганновер : Ibidem, 2007. 290 с.
9. Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
10. Рябов О., Рябова Т. «Россия поднимается с колен» : ремаскулинизация и новая российская идентичность // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 3/4. С. 250—257.
11. Рябова Т. Б., Рябов О. В. Настоящий мужчина российской политики? : (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полис. 2010. № 5. С. 48—63.
12. Рябова Т. Б., Цалко Е. О. «Русский мужик»: о роли гендерных маркеров в национальной идентификации // Europe — Russia: Contexts / Discourses / Images / I. Novikova (Ed.). Riga : LU DZSC-LEVIRA, 2011. С. 206—220.
13. Шабурова О. В. Мужик не суетится, или Пиво с характером // О муже(N)ственности / под ред. С. Ушакина. М. : НЛЮ, 2002. С. 532—556.
14. Шакиров Ю. Партия власти, 1993—2000 : (исторические корни Всероссийской политической партии «Единая Россия»). Новомосковск : Рос. хим.-технол. ун-т, 2009. 239 с.
15. Connell R. W. Gender. Cambridge (UK) : Polity ; Malden (MA) : Blackwell Publishers, 2002. 173 p.
16. Goldstein J. S. War and Gender : How Gender Shapes the War System and Vice Versa. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 523 p.
17. Hooper C. Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics. N. Y. : Columbia University Press, 2001. 298 p.
18. Riabova T., Riabov O. «U nas seksa net»: Gender, Identity, and Anticommunist Discourse in Russia // State, Politics, and Society : Issues and Problems within Post-Soviet Development / A. Markarov (Ed.). Iowa City, 2002. P. 29—38.
19. Saburova O. «Мужик» как конструкт русской мужественности и его репрезентация в российской массовой культуре // Vater Rhein und Mutter Wolga : Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / E. Cheure, R. Nohejl, A. Napp (Eds.). Würzburg : Ergon Verlag, 2005. S. 485—496.